

И в некоторый день звал оную мамку к себе кушать, и она просилась у госпожи своей Софии, на что и уволила. И как она мамка пришла, то весьма ласково принял и начаша кушать. При сем немного подпили. Тогда дворянин лукавыми и хитрыми своими речьми начал оную старушку спрашивать подробно о состоянии дома и кто в нем господа. Она подлинно стала говорить, что „дом покойного министра¹ Ви[ль]гельма, который был славен и в протчих государствах, а ныне оным² владеют дети его, сын Карл, которой отсюда отлучился во Францию уже 2-ой год. Писал прежде и письма сестре своей Софии, что там [л. 12 об.] при короле обретается камор-юнкером, а ныне уже месяца три³ как писем нет“. И паки дворянин спросил: „А сестра ево, госпожа ваша, в каких летах находится и собою какова?“ На что старушка отвечала: „Собою очень хороша, и против ея тела чистаго и красоты мало кто видал. Летами еще молода, только 20 лет“. Дворянин: „Скажи, матушка, пожалуй, на таких красавицах живут ли какие родимые пятна и приметы?“ Мамка ж, не зная его злого умышления, сказала: „Подлинно, что только имеется на теле ея одно черное пятно родимое и то невидимо, потому, что под правую титькою, а иных никаких примет нет“. И, когда выслушав оные, дворянин доволен стал быть сими разговорами и, подаривши ей паки штофу [л. 13], черного бархату, и отпустил с честью домой.

Сам же поутру рано, расплатясь с хозяином, возвратно поехал во Францию. И чрез несколько времени прибыл в дом свой тихим же образом, как и прежде упомянуто,⁴ к жене и дочери своей, однако с великою радостию, что желаемое получил, а приехал до сроку за три месяца. Потом п[р]иказал оной фельдмаршал ворота свои отворить, и кто к нему приедет, всякаго пущать.

И три дни спустя поехал во дворец [в] богато убранной корете. И как пришед пред короля, король спросил: „Что, господин фельдмаршал, справился ли и можешь ли камор-юнкера изболчить?“ На что фельдмар[шал] донес: „Милостивый мой государь, справился и камор-юнкера ясно изболчить [л. 13 об.] могу“. И послали по камор-юнкера, которого тут же и привели. Тогда фельдмаршал говорил при всех вслух: „Господин камор-юнкер, что у вашей сестры имеются приметы, а именно: черное пятно под правую титькою, которое бородавке подобно, а иных пятен никаких нет“. На что камор-юнкер сказал: „Так я столько виноват, а ныне оправдания никакова принести не могу“. И король объявил камору-юнкеру смерть за оное обманство. Тогда Карл, пришедши к королю, стал на колени и слезно просил, чтобы его уволить под караулом до сестры в Гишпанию, у которой ниже часа мешкать не будет, точию ея увидеть и назад возвратится. И король фельдмаршалу сказал: „Можно ли ево отпустить?“ На что фельдмаршал отвечал: „Можно, государь, под караулом, а утить ему некуда».

И по указу его величества короля Мак[л. 14]симиана откомандировали с камор-юнкером гварди[и] ундер-афидера и 8 человек салдат в Гишпанию, к сестры его для свидания, и обратно ехать немедля с ним во Францию. Потом из адмиралтейства⁵ к пристани подвели

¹ В рукописи после этого слова в квадратных скобках стоит дочь.

² В рукописи оным повторено дважды.

³ В рукописи три написано дважды.

⁴ В рукописи фраза как и прежде упомянуто заключена в квадратные скобки.

⁵ В рукописи адмиралтейства.